

чтобы греку заниматься философией и скульптурой - нужно, чтоб за него кто-то работал.

Подытоживая, хочется сказать - нет никакого синтеза науки и искусства, ибо подразумевается, что это нечто отдельное. Не представляем же мы Адама вне райского сада. На самом деле, искусство и есть наука, доведенная человеком до определенного совершенства и воплощенная в конкретную форму. И судьба любой деятельности - быть познанной настолько, чтобы выступить в форме искусства, как и судьба Адама состоит в том, чтобы превратиться в Гагарина - преодолеть свое животное состояние, не довольствуясь тем, что дал ему Бог (природа).

Литература

1. Леонардо да Винчи. Микеланджело. Рафаэль. Рембрандт: Серия «Библиотека Флорентия Павленкова. Истории живые лица» (сборник). - М., 2015. С. 3.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. - М.: Мысль, 1983. С. 376 – 644.
3. Об эстетической природе фантазии 1967 г. Источник: <http://-caute.-ru/ilyenkov/texts.html>
4. «Какой вопрос вы хотели бы задать академику Виктору Михайловичу Глушкову?» Источник: <http://propaganda-journal.net/7541.html>

Белявский Б.А.

ПРОБЛЕМА РЕФЛЕКСИВНОСТИ В МЕТОДОЛОГИИ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ, Л.С. ВЫГОТСКОГО, П. БУРДЬЕ

В настоящей работе предлагается переосмысление и сопоставление концепции габитуса П. Бурдьё в контексте диалектической традиции В.Г. Гегеля и концепции развития человеческого мышления и речи Л.С. Выготского, призванное продемонстрировать взаимодополняемость вклада авторов для построения рефлексивной социологической теории. Формирование такой теории являлось одной из целей социолога П. Бурдьё. Выбор авторов для сопоставления сделан неслучайно, поскольку в ряде значимых теоретических выводов используется схожая логика аргументации.

В рамках социологической науки существуют противоречивые представления относительно значения теоретической концепции французского социолога П. Бурдьё и его концепта габитуса в рамках

этой системы. Сам Бурдье определял габитус как когнитивную структуру, включающую в себя способы мышления и оценки реальности, посредством которой осуществляется воспроизводство и изменение социальной системы [2], сочетающую в себе принципы структуралистского и конструктивистского подходов.

Конструктивизм как подход, согласно которому существует возможность изменения социальных структур и направленного воздействия на них [3], оказывается необходимым условием для обоснования социальной динамики в рамках теоретической модели, предлагаемой П. Бурдье. Внутренняя логика раскрытия автором габитуса во многом воспроизводит диалектический путь, который проделывает немецкий классический философ В.Г. Гегель при описании онтологической сути христианской модели миропонимания, однако потребность оставаться в рамках социологической традиции не дает полностью воспроизвести гегелевскую систему описания.

В целом, метод Гегеля можно свести к следующему: существование абсолютной сверхчувственной реальности реализуется через взаимное творение бесконечной и конечными реальностями [7]. Сформулированная в таком виде схема включает в себя три основных компонента: абсолютная, бесконечная и конечная реальности. Бесконечная и конечная реальности являются таковыми по отношению друг к другу, или, другими словами, за период существования одной бесконечной реальности сменяется большое количество реальностей, называемых конечными. Под абсолютной понимается реальность, которая как система включает в себя как бесконечную, так и конечные реальности. Бесконечная реальность выступает как творящая реальность по отношению к конечным, но и бесконечная, и конечные реальности являются моментами абсолютной («истинно бесконечной», говоря словами самого Гегеля) реальности.

Сам Гегель применяет описанную выше схему для построения своей рефлексивной модели бытия в христианстве [8], в то время как в схеме Бурдье взаимоотношения бесконечной и конечных реальностей раскрываются через систему групповых и индивидуальных габитусов.

Габитус описывается Бурдье как «структурирующая и структурируемая когнитивная структура, включающая в себя когнитивные системы мышления, восприятия и оценки реальности, а также мотивационные структуры» [4]. Агенты социализации посредством коммуникаций с новорожденными членами общества обучают, создают вместе с ними их габитусы, которые по своей структуре близки родительским (габитусам агентов социализации).

Близкие по структурам и объемам капиталы у различных инди-

видов приводят к образованию идентичных габитусов и, как следствие, схожесть практик у определенных совокупностей людей [5], которые объединяются в социальные группы, где вырабатываются общие черты габитусов (общие, групповые габитусы) и разделяемые группой представления о правильных стилях жизни.

Вместе групповые и индивидуальные габитусы образуют абсолютную реальность общества, которое через них существует. В силу самозамкнутости и рефлексивности такой социальной системы, она предстает абсолютной реальностью, аналогичной гегелевской, состоящей из моментов бесконечной и конечных реальностей. При этом, в обеих системах конечные реальности (индивидуальные габитусы) воспринимают бесконечные реальности как внешние по отношению к ним и реальные независимо от них, в то время как фактически бесконечные реальности являются рефлексивно связанными с конечными, и их существование невозможно отдельно друг от друга.

Гегелевская система описания христианства и модель воспроизводства социальной структуры Бурдьё расходятся при рассмотрении механизма изменений в рамках своих самозамкнутых систем. У Гегеля развитие абсолютной реальности происходит в соответствии с её внутренней логикой, которая раскрывается во времени [7]. Изменение социальной системы в рамках своей внутренней логики можно обосновать только в том случае, если отдельные участники системы, индивиды, способны целенаправленно кооперироваться для изменения существующих структур.

На этом шаге возникает теоретическое противоречие, поскольку габитус как совокупность когнитивных схем и структур является в своей основе предзаданным тем, во взаимодействии с какими агентами социализации происходит его формирование. Поэтому возможность сознательных изменений должна быть обоснована на уровне функционирования и развития самой когнитивной структуры (габитуса). Такое обоснование можно вывести на основе результатов исследований советского психолога Л. С. Выготского относительно развития человеческого мышления и речи.

Между работами Л.С. Выготского и П. Бурдьё можно проследить теоретическую близость в аспектах принятия социальности человека как методологической предпосылки и раскрытия концептуальных отношений между понятиями как отношений между абсолютной, бесконечной и конечными реальностями.

Взаимосвязь смысла и речевой формы, которые развиваются в противоположных направлениях, оказываются соотношены друг с другом как конечный и бесконечный аспекты абсолютной реальности:

«Сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле вод. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания» [6].

Основной мыслительной операцией, вокруг которой строится развитие человеческого мышления, по Выготскому оказывается операция дифференциации, анализа или различения. По мере взросления ребенок углубляет смысловое восприятие мира, выделяя новые части, элементы смысла в том, что ранее воспринималось как единое целое. Смысловая, мыслительная составляющая действительно движется от целого к частям, от общего к частному, аналитически, в то время как с речевой, языковой точки зрения увеличение числа используемых конструкций (слов, предложений, монологов) является движением от части к целому [6: гл. 6, 171 с].

Умение выделять новые смыслы и дифференцировать представления о попадающих в поле опыта объектов оказывается целенаправленно воспитываемым. В работе «Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества» Никлас Луман выделяет различение как основной принцип, с помощью которого осуществляется самописание общества. Или, перефразируя, различение является основным методом, с помощью которого наука описывает социальную реальность [1].

Получается, что выделение новых, не существовавших ранее смыслов, обусловлено структурой развития человеческой речи, которая фактически является одним из основных элементов когнитивных структур, определяемых Пьером Бурдьё как габитус. При этом, операция различения оказывается возможной как на неосознаваемом, так и на сознательном уровне, что делает возможным рефлексивное, целенаправленное изменение системы.

Однако сделанные выводы еще не позволяют говорить о действительной рефлексивности социальной системы, которая должна включать в себя механизм отбора новых смыслов и возможность изменения критериев отбора. Без него введение новых смыслов оказывается стихийным и случайным. Существование таких механизмов раскрывается на уровне группового Габитуса у Бурдьё и через соотношение внутренней и внешней речи у Выготского.

Уровень групповой коммуникации, формирующий групповые когнитивные структуры и модели восприятия, оказывается элементом, позволяющим достичь рефлексивности на уровне социальной системы. Это происходит за счет роли групповой коммуникации в выработке логического и доказательного мышления, описанной Львом Се-

меновичем Выготским.

Согласно Выготскому, изначально человеческая речь полностью социальна и является внешней речью в её простой форме. По мере взросления и развития человека, его внешняя речь становится сложнее, а внутренняя речь, которая используется при разговоре с собой, становится проще: перестают проговариваться понятные субъекту предикаты, слова сокращаются в пределе до сказуемых. Различие в траекториях развития речи восходит к различиям в связях между мыслью и речью для внешней и внутренней ее типов: во внешней речи мысль предшествует слову, во внутренней: слово предшествует... или возникает одновременно с мыслью [6: гл. 7, 275 с.].

Помимо этого, Л.С. Выготский, ссылаясь на предшествующие исследования, указывает на значимость внешних, групповых коммуникаций для формирования доказательности мышления. Потребность в обосновании точки зрения и умении доказывать и проверять суждения в речевой форме формируется только благодаря наличию внешних коммуникаций, поскольку в разговоре с самим собой человек изначально не имеет причин не доверять и сомневаться в произведенных им смыслах [6: гл. 7, 275 с.]. Более того, определенная логическая структурированность при формировании внутренней речи также не требуется, раз она и так понятна высказывающему.

Групповой, внешний габитус П. Бурдые, во многом опирающийся на внешнюю речь как значимую когнитивную структуру, становится средством оценки новых индивидуальных смыслов и определения их роли при выработке коллективно разделяемого смысла и различий. Через акт внешней коммуникации, то есть – перевод смысла из индивидуального (понятного только автору) формата во внешний (понятный всей группе) посредством переструктурирования и введения предикатов происходит тестирование новых смыслов, их соотнесение с существовавшими ранее смыслами как структурно, логически, так и содержательно, фактологически.

Смыслы, не вписывающиеся в глобальную структуру группового габитуса, отсеиваются, а другие, дополняющие или уточняющие существующую структуру смыслов – включаются в групповой габитус. На уровне структуры группового габитуса могут создаваться установки, запросы на выработку новых смыслов и различий определенной тематики или формы, а в соответствии с воспроизводимыми индивидуально смыслами и различиями запросы групповых смыслов будут корректироваться. В этом проявляется рефлексивный характер системы порождения смыслов габитуса и обеспечение осознаваемого изменения на уровне социальной системы.

Модель габитусов П. Бурдьё раскрывает механизм креативного создания новых смыслов, которые являются одним из источников социальной динамики общества. Потребность габитусов в конструктивистском потенциале объясняется через внутреннюю логику модели, воспроизводящую гегелевскую систему описания христианской онтологии. А сам механизм изменений выводится из особенностей развития человеческого мышления и речи, описанного Л.С. Выготским.

Сформулированные в таком виде суждения позволяют переосмыслить концепцию символического капитала и по-новому взглянуть на особенности межгруппового взаимодействия. Рассмотрение речи как одной из ключевых когнитивных структур габитуса помогает операционализировать символический капитал как ресурс донесения индивидуальных смыслов группе, опирающийся на внутригрупповые правила доказательства и способы восприятия реальности.

На межгрупповое взаимодействие оказывает влияние тот факт, что внешняя речь стремится в своей структуре походить на внутреннюю по мере социального сближения индивидов [6]. Приобретаемая в результате этого закрытость социальных групп создает пространство для непонимания чужой групповой логики, а также возможность конструирования внешне групповой репрезентации. Раскрытие названных сюжетов может оказаться полезными для переосмысления процессов социализации человека, осуществления динамики социальных общностей и лучшего понимания феномена символической власти.

Литература

1. Luhmann. Niklas. Tautologie und Paradoxie in der Selbstbeschreibungen der modernen Gesellschaft // Zeitschrift für Soziologie, 1987, Hft. 1, S. 161 - 174.
2. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения / пер. О. И. Кирчик под ред. Н.А. Шматко, В.В. Радаев. // Экономическая социология Т. 6, № 3, 2005.
3. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / пер. с франц. В. И. Иванова. Вып. 2. М.: Theis, 1993.
4. Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Бурдьё П. Практический смысл. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб: Алетейя, 2001.
5. Бурдьё П. Формы капитала / пер. М.С. Добряковой / под ред. В.В. Радаева // Западная экономическая социология. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь // Под ред. Г.Н. Шелогуровой. М.: Лабиринт, 1999.

7. Сорвин К.В. Гегель: логика порождающей себя мысли. Учение о понятии // Очерки из истории классической философии, 5-е изд. исп. и доп. -М.: Русская панорама, Бабур СТМ, 2014.
8. Сорвин К.В. Онтологический аргумент в системе абсолютного идеализма // Классическая и неклассическая формы онтологического аргумента. М.: Русская панорама, 2016.

Ермаков В.Г.

МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ ТЕКУЩЕГО КОНТРОЛЯ

В исследовании проблем современного образования особую роль приобретают работы Э.В. Ильенкова, касающиеся развития мышления учащихся. Анализируя природу ума, «способности суждения», он отмечал: «Искалечить орган мышления гораздо легче, чем любой другой орган человеческого тела, а излечить очень трудно. ... И один из самых "верных" способов такого уродования мозга и интеллекта – это формальное заучивание знаний» [1, с. 158]. Несмотря на это, вполне ясное и явное предупреждение об опасностях формального подхода к обучению область его применения в настоящее время стремительно расширяется, особенно в системе школьного образования. Одной из многих причин такого положения дел стал переход в системе образования от подготовки исследователей к подготовке квалифицированных пользователей, характерный для многих стран. Устранять серьезные последствия такого подхода приходится вузам, однако разросшийся формальный аппарат в предметных областях науки, с которым первокурсники сталкиваются в начале своего обучения, ещё больше усугубляет данную ситуацию.

По словам Ильенкова, «природа устроила наш мозг так хорошо и умно, что он не нуждается в «повторениях», в специальном «заучивании», если имеет дело с чем-то непосредственно для него понятным, интересным и нужным. Вдалбливать поэтому приходится только то, что человеку непонятно, неинтересно и часто не нужно, то, что не находит никакого отзвука и эквивалента в его непосредственном жизненном опыте и никак из него не "вытекает"» [1, с. 159]. Но, как показано в статье [2], глубокое несоответствие изучаемого материала «непосредственному жизненному опыту» студентов возникает, например, при использовании аксиоматического метода при изложении математических теорий. Если исходить из предложенной Аристотелем трак-